

Б.Л. Бойко

УДК 81'23

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Военная лексика в речевом общении функционирует преимущественно в текстах военной тематики и представлена военной лексикой, вошедшей в общий речевой оборот, военными терминами и лексическими единицами разговорной речи. Преимущественное употребление терминологической и разговорной лексики, реализация языковой нормы в речевом общении зависит от степени социального контроля. Содержание представлений общества о военной теме существует на уровне общественного официального сознания (военная терминология) и на уровне общественного обыденного сознания (военный жаргон).

Ключевые слова: речевое общение, военные тексты, военная лексика, военные термины, военные профессионализмы, военный жаргон, социальный контроль, языковая норма.

Boris L. Boyko

MILITARY VOCABULARY IN SPEECH COMMUNICATION

The military vocabulary in speech communication functions mainly in texts of military subjects and is represented by the general military vocabulary which entered the total speech turnover, military terms and units of informal conversation. Primary use of terminological or colloquial vocabulary depends on extent of social control. Content of social ideas of military subjects at the level of public official consciousness exists in military terms, at the level of public ordinary consciousness in units of military professional vocabulary and military slang.

Keywords: speech communication, texts of military subjects, military vocabulary, military terms, military professional vocabulary, military slang, social control, language norm.

Военная лексика охватывает обширный пласт словарного состава, используемый в текстах, принадлежащих к сфере военного дела. Соответственно, и сами тексты могут быть определены как военные тексты, иначе – тексты военной тематики. Относительно нормы литературной речи часть военных текстов принадлежит к книжной речи и представлена текстами письменными и устными.

Социальный контроль над использованием языка носит институциональный характер, т.е. предписывает членам социума некие общие правила социального поведения [Яковлев 1995: 301-303]. Применительно к речевому общению такие правила закрепляются, с одной стороны, в литературной норме, с другой – в социально приемлемых формах речевого общения, в этике общения отдельных

социальных общностей. Норма языка кодифицирована в справочных изданиях, существует в социальном опыте носителей нормированной речи и реализуется в социальной практике в формах письменной и устной речи. Для большинства современных литературных языков, как справедливо утверждает Н.Н. Семенюк, характерна тенденция к сближению нормы литературного письменного языка с нормами разговорной речи. В основе сближения норм лежат процессы приобщения более широких социальных слоев общества к числу носителей литературного языка [Семенюк 1990: 337-338]. Относительно военной сферы речевого общения в этом плане можно назвать обусловленное войной или военными конфликтами массовое вовлечение в военную среду гражданских людей.

Нормированная письменная речь специалистов военного дела закреплена в различных изданиях – военных энциклопедиях и словарях военных терминов, уставах и наставлениях, учебниках и учебных пособиях, штабных документах по организации и ведению боевых действий, применению систем оружия. Характерный признак нормированных письменных и устных военных текстов – наличие в них терминов и терминологических словосочетаний, фраз (команд), закрепленных в уставах и наставлениях, военно-научных и военно-технических текстах. Устная речь военных специалистов ориентирована на письменную реализацию нормы литературной речи, однако в зависимости от степени социального контроля (и самоконтроля) в той или иной степени отклоняется от норм литературной речи.

По мере ослабления социального контроля снижается терминологичность военных текстов, военные термины сосуществуют с военными профессионализмами и жаргонизмами и частично вытесняются ими. Относясь к сфере устного общения, такие тексты частично воспроизводят синтаксис устной речи, выражающийся в эллиптичности, незаконченности фраз и дополняющийся невербальным контекстом и невербальными средствами общения.

Степень нормированности военных текстов зависит и от степени владения пишущего / говорящего предметом военного дела, от уровня его военного образования. От человека с академическим военным образованием ожидают высшей степени владения военной литературной речью. Того требует необходимость создавать тексты, предназначенные для организации повседневной деятельности войск в мирное время и организации боевых действий в случае вооруженных конфликтов. Владение нормированной речью военнослужащими срочной службы соответствует уровню военных знаний, необходимых для выполнения непосредственных обязанностей.

Сниженный социальный контроль допускает иную норму речевого общения. Эта норма существует в опыте речевого общения представителей данной социальной среды или социальной группы. Оцениваемая как отступление от нормы литературной речи, норма неформального общения, тем не менее, не только получает социальное одобрение, но и социально предписана в соответствующей ситуации общения. Тональность такого общения может задавать старший по званию, переходя с подчиненным с официальной формы общения на доверительную. В среде равных тональность неформального речевого общения задает неформальный лидер.

В текстах книжной речи лексические единицы разговорной речи носят цитатный характер, они извлечены из текстов устно-речевого общения и оформляются, подобно цитатам, кавычками, или иными пояснениями своей иностилевой принадлежности. Термины, профессионализмы и жаргонизмы различаются внутренней формой слова. Образность слова как оценочный компонент его семантики в термине утрачена настолько, что его стертая метафоричность во многих случаях не связывается с реалиями окружающего мира: *крыло* самолета не вызывает в памяти образ крыла птицы, *нос* корабля не соотносится с носом плывущего или летящего животного как самой передней части тела. Напротив, профессионализмы и жаргонизмы отличаются нестертой внутренней формой, часто яркой образностью: *сесть на живот* (о самолете, производящем посадку с невыпущенным шасси), *послать пулю в молоко* (не попасть в означенное цветом зачетное поле мишени при стрельбе в тире).

Противопоставляя военную терминологию в целом военному жаргону по преимущественной отнесенности военных терминов к текстам штабных документов, а единиц военного жаргона к ситуациям непринужденного общения в различных ситуациях военной жизни, Е.Ф. Тарасов отмечает в качестве отличительных признаков обобщенность семантики первых и конкретность вторых:

1) в штабных документах процесс боевых действий (процесс боя) описывается при помощи социально санкционированных знаний (социально обобщенных), общих для всех профессиональных военных, получивших специальную подготовку. Этот военный язык штабных документов отображает процесс боестолкновения в абстрактных категориях военной науки;

2) жаргон отображает ситуации войсковой жизни, включая ситуацию боестолкновений, менее обобщенно, жаргон в звуковой форме слова и в содержании лексических единиц и речевых высказываний отображает ситуацию более конкретно, в коннотативных значениях, указывая на эмоциональную окрашенность (нагруженность) реальных действий военнослужащих.

Содержание представлений общества о боевой деятельности и о бое существует в двух формах (на двух уровнях): 1) на уровне общественного официального сознания – бой, походная кухня и 2) на уровне общественного быденного сознания – *Gulaschkanone* – походная кухня (метафора). Оба варианта – изменение звуковой формы.¹

Рассуждая о неологизмах военной лексики в языке / речи ее носителей, П.Н. Денисов выделяет следующие типы речи (стили, подязыки, сферы):

- язык профессиональных военных, язык военной промышленности, терминологию военного искусства как разновидность языка военной науки: *живая сила и техника, глубоко эшелонированная оборона, узел сопротивления, огонь по площадям*;
- язык военно-политической пропаганды и агитации (язык замполитов, военной печати, военных газет);
- разговорная речь солдат-фронтовиков и их непосредственных командиров

¹ Приведенный текст изложен Е.Ф. Тарасовым в рукописной форме и передан нам в мае 2013 года. – Б.Б.

(сержантов, лейтенантов), солдатский фольклор, непринужденная речь тружеников тыла – рабочих и колхозников: *«катюши» – гвардейские минометы, установки реактивной артиллерии;*

- язык художественной и мемуарной литературы, содержащий лексику и фразеологию названных типов речи [Денисов 1985: 361-362].

Военная терминология исключительно точно используется в военно-энциклопедических текстах, которые по праву должны быть отнесены к научному стилю в целом и его подразделу, охватывающему тексты военно-научные. Энциклопедическая статья «Боевые действия» начинается с определения заголовочного термина:

Боевые действия 1) Составная часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач. 2) Форма оперативного (боевого) применения объединений, соединений, частей, подразделений в рамках операции в составе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических, тактических задач (то есть Б.д. могут рассматриваться и как процесс, являющийся составной частью военных действий, и как форма применения объединений, соединений, частей и подразделений) [Ворогушин, Савушкин 1997: 147].

Это только начальный фрагмент достаточно объемного текста, содержащего определение понятия *боевые действия*. Однако уже этот фрагмент текста энциклопедической статьи отличается насыщенностью военными терминами, часть которых освоена общим литературным языком и известна читателю, не обязательно имеющему военное образование: *военные действия, противоборствующие стороны, силы и средства*. Другая часть военных терминов нуждается в развернутых пояснениях, которые выходят за рамки обыденных знаний – *объединение, соединение, часть, подразделение, операция, оперативная задача, оперативно-тактическая задача, тактическая задача*.

Столь же обобщенным содержанием семантики отличается понятие *бой*, включающее в себя такие формы тактических действий войск, как *удар, огонь, маневр*, что вытекает из текста развернутого определения:

Бой – *осн. форма такт. действий войск (сил); организованные и согласованные по цели, месту и времени удары, огонь и манёвр соедин., частей и подразделений. Проводится обычно в целях уничтожения (разгрома) пр-ка и выполнения др. боевых задач в огранич. районе в течение короткого времени. Б. может быть общевойсковым, противовозд., возд. и морским. Для ведения Б. войска (силы) принимают боевой порядок* [Михайлов 2003: 530].

Наш опыт работы с военными текстами подсказывает нам, что далеко не все военные термины имеют эквиваленты в виде профессионализмов или жаргонизмов. Последние встречаются, как утверждалось выше, в ситуациях со сниженным социальным контролем, в общении среди «своих», в разговорной речи бытового общения. К таким ситуациям нельзя отнести общение, опосредованное строго выверенными в плане военной терминологии текстами военных энциклопедий, уставов и наставлений, штабных документов в целом, и документов по управлению

войсками (директивами, приказами) в частности. Любая терминология, и военная не в последнюю очередь, по определению, стремится к однозначности, по крайней мере, в пределах своей тематической сферы. Лексема *действия* в терминологическом словосочетании *боевые действия* перемещается из общего лексикона в тематическую сферу войны за счет определения *боевые*. Принадлежность слова *бой* к военной сфере (ср. *бой часов*, *бой стекла* (битое стекло) определяется военной тематикой текста и соответствующими атрибутами и предложными конструкциями *наземный бой*, *воздушный бой*, *морской бой*, *огневой бой*, *бой в городе*, *бой по отражению высадки морского десанта*, и это далеко не полный список.

Граница между военными терминами, профессиональной и жаргонной лексикой в сфере языка и речи пролегает не только в различении «общее – конкретное» в их семантике, как это нетрудно установить, например, сопоставляя термины *бой* и *воздушный бой*, но и в различении образности внутренней формы слова, опирающейся на образность окружающего мира. В связи с этим упомянем одну из идей Шарля Балли, высказанную им во «Французской стилистике»: «Величайшее несовершенство человеческого ума состоит в том, что он не способен к абсолютной абстракции; он не может выделить чистое понятие, воспринять идею вне всякой связи с конкретной действительностью. Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Балли 2001: 221].

Тропеическая образность, основанная на употреблении слов и выражений в переносном смысле, сохраняется в части терминов с нестертой внутренней формой. Описание боевых действий с опорой на начертание боевых порядков войск на карте в их статике и динамике открывает образную природу части военных терминов, опирающуюся на предметную конкретность окружающего мира:

- оперативного искусства: *клещи*, *котел*, *очаговая оборона*, *клин*, *кулак*, *горловина*, *коридор*;
- виды артиллерийского огня: *огневой вал*, *огневая завеса*, *огневой кулак*, *огневой мешок*, *вилка*;
- фортификационные сооружения пехоты: *рогатки и ежи*, *лисья нора* (вид окопа), *спотыкач* (сеть на низких кольях) [Гербановский 1942].

Общение автора военных мемуаров с читателем, в которых текст рукописи подвергнут обязательной литературной обработке, выдает уровень военного образования автора (будь то и знания, приобретенные в ходе самообразования). Чем ниже этот уровень, тем конкретнее мышление автора, поиск образного слова и словосочетания. Уникальным примером служат воспоминания солдата-фронтовика, попавшего на фронт со школьной скамьи, написанные спустя более полувека после окончания Великой Отечественной войны [Дробязко 2008]. На страницах своих воспоминаний С.Г. Дробязко ни разу не употребляет словосочетание *боевые действия*, слово *бой* он использует в самом общем его значении, в каком этот специальный термин военного дела вошел в словарный фонд русского языка и известен достаточно широкому кругу его носителей. Собственно *бой* для автора

воспоминаний – это всегда не тот конкретный случай войны, в котором он лично участвует. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты текста:

*... Но пушки, как и до этого, продолжали палить, и **бой** продолжался. Неужели нам придется туда идти? Позже я понял – издали смотреть на **бой** страшнее* [Дробязко 2008 : 134].

*Где-то далеко справа не умолкали орудия – там продолжался **ожесточенный бой*** [Дробязко 2008 : 165].

Конкретны личные действия солдат в бою, конкретны и именованья того, в чем участвует солдат. В совершенно конкретном значении используется общеизвестное слово и военный термин **атака**.

*Мне дали в отделение пять бойцов; я не успел запомнить их лица, а утром после короткой артподготовки **нас стали поднимать в атаку**: «За Родину! За Сталина!» – по траншее с пистолетами в руках бежали офицеры и толкали нас в спины: «Вперед!»* [Дробязко 2008: 227-228].

*Красноармейцы не успели как следует перезнакомиться, а рано утром, после короткой, но мощной артподготовки, **нас подняли в атаку**. «Вперед!» – выталкивали солдат офицеры. Я вымахнул из траншеи. Главное – не залечь сразу, потом трудно оторваться от земли* [Дробязко 2008: 243].

Уровень военно-профессиональной подготовки находит выражение не только в текстах мемуаров крупных военачальников, но и офицеров, получивших подготовку командиров подразделений и продолжавших военную службу в послевоенные годы. В таких текстах, возникших спустя несколько десятилетий после войны, сказывается начитанность автора в исторической и мемуарной литературе. Давние эпизоды войны восстанавливаются на фоне общей осмысленной в послевоенное время картине действий войск конкретного фронта, армии, корпуса, дивизии. Терминологическое словосочетание **боевые действия** связывается с понятиями **наступление** и **оборона**.

Командир батареи военных лет, окончивший всего лишь ускоренный курс военного училища, не может оценивать конкретные события войны в терминах, какими пользуется командир соединения (как минимум дивизии или корпуса). Два огневых взвода, в каждом по два орудия, обеспечивают огневую поддержку наступающей стрелковой роте или вместе с стрелковой ротой отбиваются от наступающего противника. Поэтому термины **наступление**, **оборона**, **боевые действия** в тексте мемуаров И.М. Новохацкого носят тот уровень обобщения, который достигается в результате размышлений о событиях войны многие годы после ее окончания. Такие фрагменты в книге мемуаров ветерана далеки от конкретики боевых действий на переднем крае, в которых ему приходилось участвовать:

***Наступление** всегда вызывало у солдат и офицеров чувство возбуждения, его ждали и готовили с нетерпением, хотя прекрасно знали, что любая **атака** всегда сопряжена с большими потерями, чем в обороне. **Оборона** изнуряла бездеятельностью, если это слово применимо к боевым действиям* [Новохацкий 2007: 212].

Реалиям уровня командира батареи, действующей непосредственно в боевых порядках наступающих войск, скорее соответствует текст, не содержащий слишком значительных обобщений:

Батарея моя все время в движении. Я с разведчиками и связистами впереди, в цепи батальона. Огневые взводы батареи с орудиями, следуют километрах в двух позади в готовности, при необходимости, к развертыванию и ведению огня [Новохацкий 2007: 216-217].

Военные термины в приведенном фрагменте текста конкретны и соответствуют тому, что видит на войне командир подразделения: *батарея, огневые взводы, орудия, разведчики, связисты*. Однако и в этом предельно конкретном описании одного из фрагментов войны проступает стилистика специальных текстов по организации боевых действий: *огневые взводы батареи, в готовности ... к развертыванию и ведению огня*.

Конкретика в семантике военных жаргонизмов ограничивает их возникновение и функционирование как по тематическим сферам общения, так и по ситуациям общения в соответствии со степенью социального контроля за протеканием общения. Если аббревиатуры и сокращения, входящие в состав военной терминологии, в силу реализованной в них тенденции к экономии языка используются наряду с военными терминами в официальных военных текстах, в речевой практике штабов, то военные жаргонизмы целиком относятся к сфере непринужденного речевого общения. Для неподготовленного читателя военные аббревиатуры и сокращения сопровождаются пояснениями. В одних случаях они даются в скобках после развернутого терминологического словосочетания, в других – располагаются в непосредственной близости от него:

Мне коротко объяснили задачу: обеспечивать командира полка, вернее его наблюдательный пункт (НП) и штаб полка телефонной связью с дивизионами [Новохацкий 2007: 42-43].

Местность в обороне противника ... поднимается вверх и хорошо просматривается с нашего НП километра на три. [Новохацкий 2007: 138].

Пошел доложить командиру батальона о полученном приказании. Тот общил мне, что его тоже вызывают ... Комбат предложил ехать вместе... [Новохацкий 2007: 56].

Военные жаргонизмы в силу нестертой образности внутренней формы слова настолько контрастируют с терминологической лексикой и фразеологией, что находят применение почти исключительно в ситуациях обыденного общения, большей частью обслуживаемой средствами разговорной речи. Терминам *боевые действия, бой*, равно как *оборона и наступление*, не находится эквивалентов в солдатском просторечии, напротив, реалии боевой техники, своей и противника, получают свои вторичные, жаргонные, наименования, обладающие конкретностью и образностью просторечного слова.

В книге рассказов фронтовиков, которые были записаны составителем частично в блокнот, частично на диктофон, а затем уже переведены в письменный текст, огромное количество такого материала [Михеенков 2009]. Тематически разговорные эквиваленты военных терминов распадаются на две большие группы – наименования реалий противника и наименование реалий своих войск.

Наименования реалий противника включают стрелковое оружие и минометы, артиллерийские установки и самолеты, действие которых солдаты и офицеры на передовой ощущают на себе:

- немецкий пулемет MG-42 производства 1942 года, калибра 7,92 мм в речевом обиходе фронтовиков известен в форме субстантивированной транслитерации **МГ-42**:

*Немцы возились с пулеметом. Я видел, как они ловко высвобождают свой **МГ-42** из плащ-палатки и торопливо устанавливают на сошки* [Михеенков 2009: 125]²;

- 150-мм реактивный шестиствольный миномет. В отечественном военном жаргоне имел несколько наименований³:

Немцы нашего нападения не ждали. Выбили мы их и захватили там шестиствольный миномет. ... Шестиствольный миномет, прозванный солдатами «скрипачом», тогда на фронте был еще диковинкой [Михеенков 2009: 41];

- истребитель Me-109 «Мессершмитт» (Messerschmitt), назван по фамилии немецкого конструктора, в отечественном солдатском просторечии именуется **мессер**:

*Пошел самолет в немецкую сторону. И вдруг – сзади! – появился **мессер*** [Михеенков 2009: 96];

- пикирующий бомбардировщик Юнкерс Ju-87 (Junkers Ju-87), на солдатском жаргоне – **лапотник, лаптежник, шарманичик**, реже – **костыль**:

Буквально через полчаса на Городок налетели примерно 30 пикировщиков «Юнкерс-87». На фронте их вскоре прозовут «лаптежниками». Дело в том, что у них не убирались шасси, а колеса были «обуты» в защитные металлические колпаки. Колпаки имели продолговатую форму и чем-то действительно напоминали лапти [Крутицин];

- немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик «Фокке-Вульф» (Focke-Wulf Fw 189 Uhu) в русском военном жаргоне – **«рама»**:

А тем временем в небе появилась «рама». Корректировщик полетал-полетал и пропал. Мы с шофером сразу сообразили: если «рама» засекала нашу конницу, то скоро жди бомбардировщиков [Михеенков 2009: 207].

Наименования реалий своих войск также главным образом включают образцы вооружения и военной техники. Профессионализмы и жаргонизмы опираются на номенклатурные наименования отдельных частей оружия, калибры, кодовые наименования, фольклорные переосмысления: средний боевой танк Т-34 – **Т-34, тридцатьчетверка**, 45-мм противотанковое орудие – **сорокопятка** – **«Прощай Родина!»**:

Тут подошли наши танки. Ударили. Помню, как вышла наша «тридцатьчетверка». Остановилась. Стволom повела. Шлеп! – и немецкий танк сразу загорелся [Михеенков 2009: 57].

Артиллеристы подкатили к моему окопу сорокопятку и начали стрелять из нее прямо через мой окоп. ... Стреляли из пушек и минометов и немцы. Один снаряд не долетел метров двух до бруствера моего окопа, разорвался, и меня засыпало глиной. Стреляли конечно же не по мне, а по сорокопятке. Вот уж действительно: «прощай Родина!» [Михеенков 2009: 145].

² MG – Maschinengewehr – (нем.) ‘пулемет’.

³ На Западном фронте шестиствольные немецкие минометы называли «стонущим Микки». Наши солдаты – «ишаком», «дурилой». И, как ни странно, «ванюшей» [Борисов С. «Катюша» против «Ванюши»].

Образность военной лексики в разной степени присуща отдельным ее единицам и не может рассматриваться как ее главное качество. Образность военных терминов как ее этимологическое свойство не воспринимается в пределах военно-профессиональной среды. Эта образность очевидна извне, например, на начальном этапе изучения военного дела или в процессе изучения иноязычной военной лексики. Одинаково ярки для непрофессионалов такие немецко-русские параллели терминов, как *Feuersack* / огневой мешок, *Feuerwelle* / огневая завеса, *Feuertaufe* / боевое крещение. Образность военного жаргона можно отнести к его ведущим качествам, благодаря которым единицы жаргона отвечают стилистике непрофессиональных военных текстов, принадлежащих массиву текстов непосредственного речевого общения.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что речевое общение в военной среде реализуется в письменных и устных текстах военной тематики. Соответствие текстов литературной норме, как и употребление терминологической и противопоставленной ей профессиональной и жаргонной лексики, определяется уровнем социального контроля над протеканием речевого общения. Единицы официальной нормативной речи носят обобщенный характер, единицы разговорной речи характеризуются нестертой образностью внутренней формы.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Борисов С. «Катюша» против «Ванюши» // «Меридиан». Обзорник общественно-политических изданий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://nurmedia.ru/society/4678-katyusha-protiv-vanyushi.html> (дата обращения 03.03.2013).

Ворогушин Е.Б., Савушкин Н.И. Боевые действия // Военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1997. Т. 1. – С. 147. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12700@morfDictionary (дата обращения 03.03.2013).

Гербановский С.Е. Фортификация пехоты. – Красноярск: Воениздат. Красноярское отделение, 1942. – 132 с. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/vopros-ob/herbanovskiy.html#10> (дата обращения: 03.03.2013).

Денисов П. Н. Русская военная лексика в период Великой Отечественной войны // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985 г., т. 44, № 4. – С. 358-365.

Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942-1944. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 255 с.

Крутицин И. Командир стрелкового взвода [Воспоминания] // The Russian Battlefield. Мемуары. – URL: <http://www.battlefield.ru/ivan-krutitsyn/stranitsa-2.html> (дата обращения: 03.03.2013).

Михайлов В.С. Бой // Военная энциклопедия. Т. 1. – М.: Воениздат, 2003. – С. 530. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=3567@morfDictionary (дата обращения: 03.03.2013).

Михеенков С.Е. В донесениях не сообщалось... Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной. 1941-1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 351 с.

Новохацкий И.М. Воспоминания командира батареи. Дивизионная артиллерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 313 с.

Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 337-338.

Яковлев А.М. Контроль социальный // Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. академика РАН Осипова Г.В. – М.: Институт социально-политических исследований РАН, 1995. – 939 с.